

Modern Condition and Prospects of the Reform of Pre-Trial Proceeding in the Russian Criminal Process

Shadrin V.S.

Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation
E-mail: vikt-shadr@yandex.ru

Abstract. The author considers the content and outcome of the reform of pre-trial proceedings in connection with the adoption and subsequent application of the code of criminal procedure, problems in the current legal regulation of the stages in criminal prosecution and preliminary investigation, as well as the grounds and the possibility of its further improvement.

Keywords: the reform of pre-trial proceedings, criminal proceedings, a preliminary investigation, the adversarial principle, the function of the criminal process, ensuring the rights of the individual.

References:

1. Golovko L.V. Novyi UPK RF v kontekste sravnitel'nogo ugolovno-processual'nogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 5. S. 27–47.
2. Derishev Yu.V. Konceptiya ugolovnogo dosudebnogo proizvodstva v pravovoi doktrine sovremennoi Rossii. Omsk, 2004. 340 s.
3. Zinatullin Z.Z. Izbrannye trudy: v 2 t. T. II. SPb., 2013. 699 s.
4. Mahmutov M.V. Zakon o doznanii v sokrashennoi forme i reforma stadii vzbuzhdeniya ugolovnogo dela // Zakonost'. 2013. № 7. S. 39–43.
5. Petruhin I.L., Kucova E.F. O koncepcii ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva RF // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 12. S. 83–84.
6. Rahunov R.D. Uchastniki ugolovno-processual'noi deyatel'nosti. M., 1961. 277 s.
7. Savickii V.M. Ugolovnyi process Rossii na novom vitke demokratizatsii // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 6. S. 96–107.
8. Smirnov A.V. Rossiiskii ugolovnyi process: ot zakata do rassveta. URL: <http://rapsinews.ru/judicial-analyst/20141202/272697983.html> (data obrasheniya — 5 dekabrya 2014 g.)
9. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. T. I. M., 1968. 468 s.
10. Sheifer S.A. Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoi, sudebnoi i prokurorskoj vlasti. M., 2013. 192 s.
11. El'kind P.S. Sushnost' sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava. L., 1963. 172 s.

Право на справедливое судебное разбирательство по гражданским делам и его элементы в свете идеи верховенства права

Афанасьев С.Ф.

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: af.73@mail.ru

Аннотация. В статье в свете проекта Концепции по унификации процессуального законодательства, а также предстоящей разработки и принятия Кодекса гражданского судопроизводства РФ анализируется вопрос о праве на справедливое судебное разбирательство по гражданским делам и его элементах. Подчеркивается, что право на справедливое судебное разбирательство не является по своей направленности декларативным, его содержание многообразно и включает в себя органическую, институциональную, процессуальную и специальную части, что должно приниматься во внимание отечественным законодателем в ходе реформирования и совершенствования цивилистического судопроизводственного закона.

Ключевые слова: проект Концепции по унификации процессуального законодательства, Кодекс гражданского судопроизводства РФ, верховенство права, право на справедливое судебное разбирательство, принципы и нормы международного права, Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд по правам человека, доступность правосудия, прецедентная практика.

В связи с реформированием судебной системы и учреждением в 2014 г. единого Верховного Суда РФ неизбежно возникла проблема, связанная с симплификацией гражданского процессуального законодательства, поскольку органы судебной власти а priori в своей повседневной деятельности должны руководствоваться одинаковыми целями и задачами, а также более или менее сходными процессуальными парадигмами при рассмотрении гражданских дел. К сожалению, сегодня этого не наблюдается, поскольку отечественный законодатель изначально заложил разное целеполагание в основу функционирования судов общей и арбитражной юрисдикции: если первые обязаны правильно и своевременно разрешать юридические коллизии (ст. 2 ГПК РФ), то вторые должны независимо и беспристрастно осуществлять справедливое публичное судебное разбирательство (ст. 2 АПК РФ).

В связи с этим под эгидой профильного комитета Государственной Думы РФ был разработан и опубликован проект Концепции по унификации процессуального законодательства, которая станет базой для будущего Кодекса гражданского судопроизводства РФ. В частности, авторы Концепции указывают, что «основные положения Кодекса должны закреплять принципы судопроизводства, отражающие общепризнанные в сообществе демократических государств стандарты справедливого судебного разбирательства, без соблюдения которых судопроизводство не вправе претендовать на роль правосудия. В предлагаемом варианте им посвящены ст. 4–13 проекта, которые по своему содержанию представляют собой конкретизацию соответствующих положений Конституции РФ и международно-правовых актов, закрепляющих общепризнанные стандарты правосудия»¹. Стало быть, важно знать имманентную суть справедливого судебного разбирательства, четко представлять, что составляет его содержание с тем, чтобы идеей такого разбирательства был пронизан весь создаваемый Кодекс гражданского судопроизводства РФ.

Итак, несомненно, что означенные выше европейские правовые стандарты все больше проникают во внутреннее законодательство нашей страны, в том числе посредством инкорпорации норм международных договоров, что заставляет многих ведущих правоведов обратить пристальное внимание на отдельные положения, содержащие процессуальные гарантии прав человека, и соотнести их с национальными юридическими правилами поведения². Это касается прежде

всего ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., закрепляющей право на справедливое судебное разбирательство, которое является неотъемлемым элементом принципа верховенства права, что подтверждается преамбулой международного договора. Следовательно, верное понимание указанного первоначала нужно рассматривать как отправную точку анализа права на справедливое судебное разбирательство.

Справедливость и верховенство права были хорошо известны греческой и римской юридической культуре, но изначально эти понятия восходили к сакральным, религиозным либо общеправовым соображениям и ценностям³. «На первых порах, — как пишет В.Г. Ярославцев, — понятие *acqui* (*acquitas*) — равенства и справедливости — играло существенную роль в понимании римских юристов. *Acquitas* являлись конкретизацией *justitia* (вечной и неизменной справедливости естественного права) и в силу того, что выражали естественно-правовую справедливость, служили масштабом для критики существующего права, руководящим ориентиром в правотворчестве, при толковании и применении права»⁴.

Постепенно право, в особенности классическое римское, под влиянием динамичного развития общественно-экономических отношений обрело вид, близкий к формальному, проявившись через триаду общеизвестных источников — обычай, закон, судебная практика. Силой, творящей право, стали не жрецы, а народ, верховная государственная власть и привилегированный класс юристов⁵.

Отчасти данный процесс можно отследить по трудам Платона, который, рассуждая о морально-нравственных критериях человеческого поведения, логическим путем обратился к прагматическим конструкциям. Одна из них была направлена на утверждение в обществе законности (*eunomia*) или, иными словами, повиновения правильным законам для установления единообразия в устройстве всех связанных между собой ве-

человека. Саратов, 1999. С. 247; Фурсов Д.А. Справедливость как фундаментальная ценность арбитражного и гражданского процесса // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 4. С. 54.

⁴ См.: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М., 2003. С. 185–193; Боголепов Н.П. Учебник истории римского права. М.: Универ. тип., 1895. С. 136–147; Тиктин Н.И. Византийское право как источник Уложения 1648 г. и Новоуказных статей. Одесса, 1898. С. 5–35; Покровский И.А. Справедливость, усмотрение судьи и судебная опека. Киев, 1899. С. 1–2; Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 267–268; Бытко Ю.И. Справедливость и право. Саратов, 2005. С. 3–57.

⁵ Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М., 2007. С. 53.

⁶ См.: Барон Ю. Система римского гражданского права. М., 1898. Кн. I. С. 13.

¹ См.: Чуракова О. Депутаты Госдумы подготовили Концепцию единого процессуального кодекса // Ведомости. 2014. 29 окт.

² Проект Концепции по унификации процессуального законодательства. Екатеринбург, 2014. С. 5.

³ См.: Глотов С.А. Конституционно-правовые проблемы сотрудничества России и Совета Европы в области прав

щей⁷. Продолжая и в некоторой степени разделяя философские взгляды учителя, Аристотель также полагал, что единым властителем людей должен быть не тот или иной человек, а закон: кто требует власти закона, тот требует власти Бога⁸.

Между тем римляне, будучи людьми весьма прагматичными, окончательно вывели верховенство права из-под влияния религиозных и мировоззренческих концепций, ведь ничто не ценилось ими так высоко, как явления, служащие утилитарным целям⁹, даже если речь шла о вещах порядка *sacramentalis*¹⁰. Тит Ливий одним из первых римских юристов греческую дихотомию «правление человека — правление закона» окончательно разрешил в пользу закона¹¹. Цицерону же принадлежит следующее изречение: «Ибо если греки вкладывают в понятие закона понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны (а я лично склонен думать, что в общем это верно), то возникновение права следует выводить из понятия закона»¹².

Между тем впервые верховенство права как один из юридических принципов было провозглашено и окончательно обосновано в Англии, чего объективно требовали условия парламентской монархии, допускавшие представление так называемых неприкосновенных древних вольностей (*libertates suas illesas*) для светской и религиозной знати, среди прочего и в области правосудия¹³. Великая Хартия Вольностей 1215 г. об этом сообщала: «Ни один свободный человек (*liber homo*) не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен имущества (*disseisiat*), или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо [иным] способом обездолен (*aliquot modo destruat*), и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору (*per legale iudicium*) равных его (*parium suorum*) или по закону страны (*vel per legem terre*), — гла-

силы ст. 39 и ст. 40 Хартии. — Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их»¹⁴.

Затем эта мысль получила свое логическое развитие в знаменитом *Habeas Corpus Act* 1679 г.¹⁵, закрепившем вследствие парламентской борьбы против королевских прерогатив Карла II тезу о том, что верховенство права выражается не только в возможности создания суда на основании закона, но также в соблюдении процессуальных сроков и правомочии заключенного быть информированным о причинах ограничения его свободы¹⁶.

Вместе с тем более или менее теоретизированное уяснение принципа верховенства права в Англии произошло только во второй половине XIX в., о чем свидетельствует работа А.В. Дайси «Введение в изучение конституционного права», которая увидела свет в 1885 г. В ней ученый изложил свое видение проблемы, подчеркнув, что само верховенство включает в себя три составные части: общественное устройство должно принуждать всех без исключения блюсти право писаное или обычное; необходимо руководствоваться началом равенства граждан перед законом и судом; охрана личных прав и свобод не может не быть реалистичной¹⁷.

Вслед за А.В. Дайси эти сентенции повторил, но в несколько другой форме Ф. Хайек, по мнению которого верховенство права означает также жесткий постоянный контроль за действиями государственных правительств, инстинктивно желающих преувеличить круг собственных прерогатив¹⁸.

На европейском континенте исследуемый принцип подвергся детальному изучению не раньше XVII–XVIII вв., что, с политической точки зрения, связано с революционными событиями и наделением дополнительными полномочиями представителей окрепшей буржуазии, а с юридической — формированием естественной-правовой теории права (в лице Б. Спинозы,

⁷ См.: Темнов Е.И. Платон // История государственно-правовых учений / под ред. В.В. Лазарева. М., 2006. С. 102.

⁸ См.: Темнов Е.И. Аристотель // Там же. С. 114.

⁹ См.: Новицкий И.Б. Римское право. М., 2007. С. 14–27.

¹⁰ См.: Хвостов В.М. История римского права. М., 1919. С. 60–83.

¹¹ См.: Hayek F. The Rule of Law // Studies in Law: Institute for Humane Studies, 1975. № 3. P. 8–10.

¹² Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1994. С. 95. В то же время следует учитывать, что при возникновении конфликта закона и справедливости надлежало руководствоваться последней. В этом случае утверждали: *sin vero aequitas juri scripto videatur, secundum ipsam iudicandum est* (если справедливость представляется противоречащей писаному праву, должно судить соответственно с ней) или *aequitas naturalis praeferenda est rigori juris* (естественная справедливость предпочтительнее строгости права).

¹³ См.: Леже Р. Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 14–15.

¹⁴ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древний мир и Средние века / под ред. Н.А. Крашениникова. М., 2005. Т. I. С. 516–517.

¹⁵ Полное название акта в источнике: «Акт в видах лучшего обеспечения свободы личности и предупреждения заключения за морем». А.А. Корнилина дает авторский перевод, а именно: «Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и предупреждении заточений за морями» (Корнилина А.А. Влияние постановлений Европейского Суда по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8).

¹⁶ См.: Полянский Н.Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1937. С. 175–176.

¹⁷ См.: Дайси А.В. Основы государственного права Англии. М., 1905. С. 71–72; Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Всеобщая Декларация прав человека: роль и значение в условиях миропорядка на основе господства права *Rule of Law* // Право и политика. 2008. № 12. С. 2996.

¹⁸ См.: Hayek F.A. The Road to Serfdom. 10 ed. Chicago, 1950. P. 72.

Ж.Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье и др.), которая понимала само верховенство через призму нравственности, разумности, духовности, природной неотчуждаемости¹⁹, следуя тем самым греческому философскому концепту. В частности, Б. Спиноза писал: «Право верховной власти есть не что иное, как естественное право, но определяемое не мощью каждого в отдельности, а мощью народа, руководимого как бы единым духом, то есть как отдельный человек в естественном состоянии, точно так же тело и дух всей верховной власти имеют столько права, сколько мощи»²⁰.

Мало-помалу принцип верховенства права, иногда объясняемый не только с позиций светских, но и христианских²¹, проник во многие европейские национальные нормативные акты²², охватив собой в самом общем виде различные юридические институты, в том числе относящиеся к организации и деятельности органов юстиции, хотя более ясным от этого не стал. Поэтому последняя четверть XIX в. ознаменовалась глубокими концептуальными разработками. К примеру, во Франции в употребление был введен специальный термин — *pre-eminence du droit*, а в Англии — *rule of law*, означающий верховенство права; в то же время в Германии институализацию получила целая доктрина: *Rechtstaat*, затрагивающая вопросы правового государства; в США верховенство стали интерпретировать посредством категорий «правосудие» и «надлежащая правовая процедура»²³.

Сразу после Второй мировой войны принцип верховенства права выходит на уровень международных правовых отношений. И если во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. он приобрел завуалированный вид через утверждение того, что все права нужно охранять с помощью власти закона²⁴; то в преамбуле Устава Совета Ев-

ропы²⁵ от 5 мая 1949 г. появляется фраза о том, что страны, его ратифицировавшие, признают свою приверженность духовным и моральным ценностям, которые являются достоянием их народов и подлинным источником принципов свободы личности, политической свободы и верховенства права, лежащих в основе любой истинной демократии. Кроме того, в ст. 3 Устава специально замечается, что каждый член Совета Европы обязан разделять названный выше принцип.

Очевидно, что, имея в виду Всеобщую декларацию, «отцы» Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод не могли не упомянуть в ней о стремлении государств — членов Совета Европы уважать принцип верховенства права, возложив его оригинальное толкование на Европейский Суд по правам человека²⁶. Последний в своей прецедентной практике не ограничивается формально-догматическими интерпретационными методами, а, напротив, исходит не столько из текста Конвенции, сколько из целевых установок, намерений создателей международного договора, его предназначения, эволюционности базовых свобод и многого другого²⁷. Это позволяет Суду придерживаться «модели, содержащей в себе используемые принципы» (*principle-exemplifying model*) и тем самым развивать наднациональную региональную юридическую систему²⁸. Причем иногда Суд синтезирует «автономные концепты», то есть придает категориям, изложенным в Европейской Конвенции, уяснение далекое от национального и общепринятого²⁹. Разумеется, подобная деятельность санкционируется самим международным договором, основание которого представляют естественно-правовые идеи о неотъемлемых правах человека и их неоктроированном характере, поэтому попытки трактовать договор с узко позитивистских позиций не увенчались успехом³⁰.

¹⁹ См.: Аболонин В.О. «Справедливый» гражданский процесс: иллюзия или реальность? О роли морали и нравственности при разрешении гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3. С. 2.

²⁰ Спиноза Б. Политический трактат // История государственно-правовых учений. С. 249.

²¹ Правда, здесь нельзя не учитывать антиномизм, являющийся важной тенденцией христианской мысли. Апостол Павел, будучи одним из основоположников антиномизма, утверждал, что «человек оправдывается верою, независимо от дел закона».

²² См.: Ян Синьюй, Ван Босинь. Общее познание верховенства права и конституционного правления: цивилизационный подход // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2007. № 1. С. 8–10; Лафитский В.И. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 53–58.

²³ См.: Grote R. Rule of Law, Rechtstaat and «Etat de droit» // Constitutionalism, Universalism and Democracy: a Comparative Analysis / ed by C. Starck. Baden, 1999. P. 280; Belton R.K. Competing Definitions of the Rule of Law // Carnegie Papers. 2005. № 55. P. 1–38.

²⁴ В докладах Генерального секретаря ООН, как правило, присутствует специальный раздел, посвященный реализации принципа верховенства права (Подробнее об этом

см.: Доклад Генерального секретаря ООН о работе организации. Н-Й., 2006).

²⁵ В отношении России данный документ вступил в силу 28 февраля 1996 г.

²⁶ См.: Варламова Н. Верховенство права — базовый принцип европейской системы защиты прав человека // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2002. № 3. С. 151–152.

²⁷ См.: Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3–19; Боннер А.Т., Котов О.Ю. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Закон. 2008. № 4. С. 201.

²⁸ См.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2006. С. 478.

²⁹ См.: Letsas G. The Truth in Autonomous Concepts: How to Interpret the ECHR // 15 European Journal of International Law. 2004. P. 282.

³⁰ См.: Janis M.W., Kay R.S., Bradley A.W. European Human Rights Law. Text and Materials. Second Edition. N.-Y., 2000. P. 4–22.

Небезынтересно, что принцип верховенства права как объект самостоятельного толкования был впервые изучен ЕСПЧ еще в 1975 г. в деле «Голдер против Соединенного Королевства» (Golder v. United Kingdom). Невзирая на это, само исходное первоначально, получившее обобщенное название «право на суд»³¹, до сих пор имеет множество нераскрытых моментов³². В связи со сказанным соотнесем сегменты содержания принципа с правом на справедливое судебное разбирательство с точки зрения цивилистического процесса и оставим в стороне материальные и уголовно-процессуальные вопросы.

Итак, в прецедентном постановлении от 21 февраля 1975 г. с участием гр. Голдера с учетом директив Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Суд, имея в виду естественно-правовые взгляды, констатировал, что «верховенство права в гражданско-правовых делах трудно себе представить без возможности получить доступ к правосудию». Следовательно, п. 1 ст. 6 Конвенции нельзя понимать как говорящий лишь о движении гражданских дел в национальных судах³³. В противном случае всякое государство могло бы, не нарушая эту статью, вовсе упразднить судебные учреждения или изъять из их подведомственности некоторые категории коллизий путем передачи таковых в компетенцию органов, зависимых от исполнительной власти.

Иными словами, *эффективный доступ к суду первичен*, без него теряет всякий смысл гражданское судопроизводство в целом и его важнейшие части, а именно: справедливость, динамизм, публичность, состязательность, гласность³⁴. Вместе с тем, по мнению страсбургских судей, право доступа к суду неабсолютно по своей юридической природе. Государство может установить оправданные препятствия, следуя доктрине «подразумеваемых ограничений» (implied limitations), в отличие от ранее продвигаемой Европейской Комиссией по правам человека теории «подразумеваемых неотъемлемых ограничений» (inherent limitations).

Следующие важные моменты принципа верховенства права были выявлены Судом при изучении сразу нескольких отчасти схожих петиций.

Во-первых, речь идет о постановлении от 6 сентября 1978 г. «Класс и другие против Германии» (Klass and others v. Germany), в котором от-

мечалось, что *вмешательство органов исполнительной власти в права отдельных лиц обязано быть под эффективным судебным контролем*. Во всяком случае, в качестве последней инстанции должен выступать суд, так как данный вид контроля дает наилучшие гарантии независимости, беспристрастности надлежащей процедуры. Уточнение этой формулы произошло посредством постановления от 29 ноября 1988 г. «Броган и другие против Соединенного Королевства» (Brogan and Others v. United Kingdom), поскольку было дополнительно сообщено, что суд есть основополагающая ценность в правовом государстве.

Во-вторых, согласно постановлениям от 25 марта 1983 г. «Сильвер против Соединенного Королевства» (Silver and Others v. United Kingdom), от 2 августа 1984 г. «Мэлоун против Соединенного Королевства» (Malone v. United Kingdom) и 24 марта 1988 г. «Олссон против Швеции» (Olsson v. Sweden), о *качестве внутреннего закона можно судить по тому, насколько правильно определены пределы вмешательства исполнительных органов власти в личную жизнь индивидов, и существуют ли действительные средства юридической защиты против произвола властей*, ведь наделение названных органов ничем не объяснимыми дискреционными полномочиями указывает на нарушение верховенства права.

В-третьих, принцип верховенства права в демократической плоскости и в ракурсе требования защищенности личности от власти имущих государственных учреждений тесно связан с *презумпцией субъективной беспристрастности судей*³⁵. Это предположение Суд обозначил в прецедентном постановлении от 10 июня 1996 г. «Пуллар против Соединенного Королевства» (Pullar v. United Kingdom), сказав: члены суда считаются свободными от воздействия извне, субъективных личных убеждений, настроений и пристрастий, пока не доказано обратное³⁶.

В-четвертых, беспристрастность судей³⁷, в свою очередь, подразумевает, что решения, вы-

³¹ См.: Нешатаева Т.Н. «Право на суд» в решениях Европейского Суда по правам человека и арбитражных судов РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 1. С. 143.

³² Подробнее об этом см.: Belton R.K. Op. cit.

³³ См.: Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. 166.

³⁴ Против таких выводов выступил судья А. Фердрос в собственном особом мнении, которое строилось на позитивистской концепции права, а потому в нем воспроизводился антитезис о том, что недопустимо расширять границы свобод, закрепленных в международном договоре: в тексте есть только то, что там есть.

³⁵ См.: Лукайдез Лукис Г. Принцип верховенства права и права человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2006. № 4. С. 25–34; Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право. М., 2008. С. 100–103.

³⁶ Это полностью соответствует римской презумпции процессуальной добросовестности: *bona fides semper praesumitur, nisi malam fidem adesse probetur* (добросовестность всегда предполагается, если не доказан злой умысел).

³⁷ В некоторых странах Европейского союза отчасти под влиянием постановлений Европейского Суда в состав принципов гражданского процесса вошел принцип беспристрастности суда (судей) (См.: Папкина О.А. Принципы гражданского процесса в государствах-членах Европейского союза // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2000. № 3. С. 72; Алиэскеров М.А. Право на справедливую судебную защиту в судах первой и кассационной инстанций в гражданском процессе // Журнал российского права. 2008. № 9. С. 87).

несенные ими, всегда являются окончательными и обязательными для исполнения, если только они не отменены вышестоящей судебной инстанцией по мотивам незаконности либо несправедливости. Однако судебный вердикт, вступивший в законную силу, не может быть поставлен под сомнение без присутствия экстраординарных обстоятельств, иначе нарушается принцип правовой определенности как один из важных аспектов верховенства права. В постановлении от 28 октября 1999 г. по делу «Брумареску против Румынии» (*Dan Brumarescu v. Romania*) прямо заявлено: «Право на справедливое разбирательство дела судом, гарантируемое п. 1 ст. 6 Конвенции, должно толковаться в свете Преамбулы Конвенции, которая провозглашает, среди прочего, верховенство права как часть общего наследия Договаривающихся Государств. Одним из основных аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который требует *inter alia*, чтобы при окончательном разрешении дела судами их постановления не вызывали сомнения».

В-пятых, верховенство права не может существовать без того, чтобы окончательные решения судов не исполнялись в принудительном порядке, так как явственно, что ст. 6 Конвенции фактически очерчивает механизм движения гражданского дела по стадиям. Ввиду этого лицу должен быть обеспечен не только доступ к суду и само рассмотрение дела по существу с опорой на вопросы факта и права, но и реальное исполнение судебного правоприменительного акта, оставление коего в бездействии вело бы к прозрачности гражданских правоотношений. Именно такой аспект верховенства права был усмотрен и подробно изложен Судом в постановлении от 19 марта 1997 г. «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*). Приведем лишь краткую цитату из объемного текста наднационального вердикта: «Трудно представить, что ст. 6, подробно описывая предоставляемые сторонам процессуальные гарантии — справедливое, публичное и скорое разбирательство, — оставила реализацию судебных решений без защиты; если считать, что ст. 6 говорит только о доступе к правосудию и судебном процессе, то это, вероятно, привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом господства права, который Договаривающиеся Государства обязались соблюдать, когда они ратифицировали Конвенцию... Исполнение решения, вынесенного любым судом, должно, таким образом, рассматриваться как неотъемлемая часть “суда” в смысле ст. 6»³⁸.

Наконец, в-шестых, Европейский Суд в постановлении от 13 февраля 2003 г. «Партия “Рефах” [Партия благоденствия] и другие против Тур-

ции» (*Refah Partisi [The Welfare Party] and others v. Turkey*) констатировал, что верховенство права немислимо без равенства всех людей перед законом в своих материальных и процессуальных правах и обязанностях, ведь в светском демократическом обществе люди не могут подвергаться какой-либо дискриминации по признаку расы, пола, национальности, политической или религиозной принадлежности³⁹.

Как видим, многие из компонентов провозглашаемого принципа верховенства права вполне успешно экстраполируются на область справедливого судебного разбирательства. Так каким же образом соотносятся между собой указанные категории? К сожалению, более или менее полного ответа на этот вопрос Суд не дает. Видимо, постоянно совершенствующаяся прецедентная практика рано или поздно выявит наличие соответствующей корреляции и выражение ее степени. Пока ведущие комментаторы Конвенции лишь пишут, что верховенство права и надлежащее отправление правосудия представляют собой ключевые начала, чье предназначение состоит в том, чтобы направлять наднационального толкователя в необходимое русло, когда он пытается уяснить для себя содержание ст. 6 Конвенции⁴⁰.

Между тем в некоторых делах все же можно проследить взаимосвязь положений верховенства права и справедливости судебного разбирательства. Так, в постановлениях Суда от 26 апреля 1979 г. «Санди Таймс против Соединенного Королевства» (*Sunday Times v. United Kingdom*) и от 29 августа 1997 г. по делу «Ворм против Австрии» (*Worm v. Austria*) было заявлено, что ст. 6 европейского международного договора отражает принцип верховенства права. В одном из мало упоминаемых в литературе постановлений от 7 октября 1988 г. «Салабияку против Франции» (*Salabiaku v. France*) судьи подметили: «Статья 6 Конвенции, которая защищает право на справедливое судебное разбирательство, в частности право на презумпцию невиновности, направлена на то, чтобы воплотить основополагающий принцип верховенства права»⁴¹. Идентичное

³⁹ Специально оговоримся, перечисленные здесь слагаемые принципа верховенства права нельзя воспринимать как носящие исчерпывающий характер, поскольку Европейский Суд выявлял нарушения ст. 6 при придании новым законам обратной силы; неоднократной отмене вступивших в законную силу судебных решений; включении или невключении в нормативные правовые акты положений, которые не отвечают юридическим ожиданиям человека; несбалансированности частных и публичных интересов в законе или в судебном решении. (См.: Нешатаева Т.Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 3. С. 124–140).

⁴⁰ См.: Рисдал Р. Проблемы защиты прав человека в объединенной Европе // Защита прав человека в современном мире. М., 1997. С. 124–125; Сальвиа М. де. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004. С. 279.

⁴¹ URL: <http://echr.coe.int/echr>.

³⁸ URL: <http://echr.coe.int/echr>.

суждение, только в несколько другой формулировке обнаруживается в более позднем постановлении от 20 апреля 2004 г. «Суруджиу против Румынии» (*Sugugi v. Romania*). В нем подчеркивается: принцип верховенства права, кроме всего прочего, означает и потребность в справедливом судебном разбирательстве.

Естественно, что поскольку верховенство права не допускает неисполнение судебных решений в ущерб одной стороне, то нельзя было не ожидать прецедентных постановлений по поводу завершающей части судебного разбирательства, коль скоро само исполнение есть «продолжение суда». Такое постановление появилось 22 июня 2004 г. по делу «Пини и Бертани, Манера и Атрипальди против Румынии» (*Pini and Bertani, Manera and Atripaldi v. Romania*), где намеренно оговаривается, что деятельность судебных приставов находится в лоне отправления правосудия, ввиду непосредственной связи господства права и судебного разбирательства споров.

Все изложенное заставляет нас со всей обоснованностью утверждать, что многомерное подчиняющее понятие «верховенство права» является более объемным, богатым по своему значению и имманентной сути, нежели категория «справедливое судебное разбирательство». Оно охватывает собой качество закона, судебный контроль за действиями органов исполнительной власти, доступ к суду, презумпцию беспристрастности судей, свободу слова, правовую защищенность личности и, собственно, справедливое судебное разбирательство⁴², в которое внедряются все новые составные части, что неизбежно по причине эволюционности интерпретационного функционирования страсбургского Суда⁴³ и отказа от судейского активизма⁴⁴.

Поэтому укажем, что квинтэссенция справедливого судебного разбирательства не статична, она изменяется, иногда пополняясь по воле Суда. В результате разные авторы обрисовывают ее далеко не тождественно, но многие из них сходятся во мнении о том, что право на справедливое судебное разбирательство относится к отправлению правосудия по гражданским и уголовным делам. Причем оно имеет два аспекта — *институциональный* (независимость, беспристрастность, компетентность суда, срок его

полномочий) и *процессуальный* (справедливость и публичность слушания, равенство участников спора, разумное время рассмотрения юридического казуса, доступ к эффективным средствам защиты)⁴⁵.

Думается, с этим мнением можно согласиться лишь отчасти, так как правосудие не сводится только к гражданским либо уголовным юридическим конфликтам, но и распространяется на административные, арбитражные (третейские) и даже на конституционные дела, а равно на все иные органы, которые аналогичны по своему предназначению. Во всяком случае, именно такую позицию занял ЕСПЧ в постановлении от 7 августа 1996 г. «Иохансен против Норвегии» (*Johansen v. Norway*), что вполне объяснимо, ведь тем самым наднациональные судьи стремились уравновесить правосудие с широким пониманием гражданских прав и обязанностей, которые упоминаются в п. 1 ст. 6 Конвенции.

Известно, что изначально у Суда не возникло трудностей с трактовкой «гражданских прав и обязанностей», к коим должно применяться справедливое судебное разбирательство. Служители Фемиды без сомнения полагали, что ст. 6 касается частноправовых споров, возникающих из гражданских, семейных, сельскохозяйственных и других правоотношений. Однако со временем в Комиссию по правам человека и Суд стали поступать такие жалобы, в которых частноправовой спор был неотделим от реализации властных публичных задач, по причине чего появились проблемы толкования цивилистических связей⁴⁶.

Одну из таких жалоб адресовал гр. Рингайзен по поводу правомерности отказа региональным органом по сделкам с недвижимостью подтвердить договор о приобретении сельскохозяйственных земель. Комиссия большинством голосов решила, что ст. 6 международного договора не может быть использована, поскольку не затрагивает вопросы осуществления государственной власти. Тем не менее после передачи дела в Суд в постановлении от 16 июля 1971 г. «Рингайзен против Австрии» (*Ringeisen v.*

⁴² См.: Лукайдеес Лукис Г. Принцип верховенства права и права человека С. 25–34; Нешатаева Т.Н. «Право на суд» в решениях Европейского Суда по правам человека и арбитражных судов. С. 143; Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 8–13.

⁴³ См.: Туманов В. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 78–79.

⁴⁴ См.: Бернхардт Р. Европейский Суд по правам человека в Страсбурге: новый этап, новые проблемы // Государство и право. 1999. № 7. С. 58.

⁴⁵ См.: Гротрайан Э. Право на справедливое судебное разбирательство // Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к ст. 5 и 6. М., 1997. С. 93–122; Баранов И.В. Доступ к правосудию в гражданском судопроизводстве на основе прецедентов Европейского Суда по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 3. С. 27.

⁴⁶ См.: Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004. С. 220–232; Зубко А.В. Юридическая природа решений Европейского Суда по правам человека и их влияние на российское гражданское судопроизводство // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России. Саратов, 2007. С. 241–242; Дронова Ю.А. Право на справедливое судебное разбирательство в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Гражданское процессуальное право / под ред. Л.В. Тумановой. М., 2008. С. 11–12.

Austria) было высказано обратное мнение, которого продолжают придерживаться и до сих пор: под ст. 6 Конвенции подпадают те гражданские права и обязанности в широком смысле этого слова, которые соприкасаются с любой, в том числе и публичной, административной процедурой их материализации.

С этого момента Суд стал принимать к своему рассмотрению социально-экономические коллизии, споры, связанные с экспроприацией, доступом к профессии, выдачей лицензий, принудительной распродажей предметов и другим⁴⁷, что, впрочем, одобрили не все судьи. «Результат такой работы наименее удовлетворителен, поскольку до настоящего времени в прецедентном праве Европейского Суда не дается точного и ясного значения или определения слова “гражданский”, — замечает Лукис Г. Лукайдеc. — В прецедентной практике также нет каких-либо указаний на это»⁴⁸.

Видимо, подобная аргументация частично подействовала на Суд. На рубеже веков наднациональные судьи стали осторожнее относиться к истолкованию «гражданских прав и обязанностей». В нескольких делах даже была выдвинута и обоснована особая концепция «твердого ядра государственного иммунитета». Ее суть состоит в том, что нужно отличать случаи, когда страна выступает в споре в качестве публично-властного образования или же субъекта, находящегося с заявителем петиции в обычных гражданско-правовых отношениях⁴⁹, что наглядно показывает постановление от 5 октября 2000 г. «Маауяя против Франции» (Maauia v. France).

Но вернемся к слагаемым справедливого судебного разбирательства. Безусловно, в соответствующем конвенционном праве нужно выделять институциональный и процессуальный аспекты в силу того, что европейская система защиты прав человека построена таким образом, чтобы не декларативно, а подлинно отстаивать интересы тех или иных субъектов и наказывать нарушителей, не отходя от международных принципов и норм более широкого профиля. Например, от Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., где в ст. 16 также излагается тематика судебного разбирательства, осуществляемого при рассмо-

тении любого уголовного обвинения или при определении прав и обязанностей лица в гражданском процессе.

Реалистичность защиты создается также посредством того, что при синтезации прецедентных положений Европейским Судом употребляется рестриктивный метод, согласно которому считается целесообразным в известной степени ограничительно воспринимать перечень свобод, гарантируя их реализацию в действительности, нежели описывать чрезмерно большое число прав декоративного порядка. Поэтому в свете комплексного обеспечительного подхода к конвенционным нормам следует признать обоснованным мнение М.Л. Энтина, полагающего, что справедливое судебное разбирательство включает в себя не два сегмента, а четыре. Он, в частности, пишет: «Условно систему элементов, из которых складывается право на справедливое судебное разбирательство, можно подразделить на четыре группы: *органические, институциональные, процессуальные и специальные* (курсив мой. — С.А.)»⁵⁰.

Стало быть, для правильного понимания справедливого судебного разбирательства в свете верховенства права нужно в том или ином ракурсе изучать все названные группы, а не только одну — процессуальную. В противном случае всякое исследование сведется к усвоению бессодержательной формы. При этом сразу следует оговориться, что российская правовая доктрина только формирует свое полноценное представление о постулате верховенства права, который, как указывалось выше, давно применяется в странах «старой европейской демократии» и достаточно хорошо ими апробирован.

Отечественной юридической теории и практике еще только предстоит свыкнуться с мыслью о том, что нельзя ставить знак равенства между государством и обществом, верховенством права и диктатурой закона, законностью и целесообразностью, с невозможностью широкого использования инструменталистского подхода к праву как средству достижения политических целей органами, обладающими дискреционными полномочиями, в условиях истинного воплощения в жизнь идеи равного положения граждан и власти⁵¹. Свойственная России избирательность применения закона по одним и тем же случаям, но к разным субъектам (в литературе явление

⁴⁷ См.: Лобов М. Защита социальных прав в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 1. С. 67–70.

⁴⁸ Лукайдеc Лукис Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 9.

⁴⁹ См.: Коста Ж.-П., Ковлер А. Современная практика Европейского Суда по правам человека «справедливого судебного разбирательства». URL: <http://vestnik.konstituzia.ru/wvestnik/art96.htm> (дата обращения — 15 сентября 2014 г.).

⁵⁰ Этин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 86.

⁵¹ См.: Попова М. Российская правовая мысль и принцип верховенства права: проблемы адаптации и необходимости диалога // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 200–210; Толмачева Н.Н. К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов РФ // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 35–47.

иногда именуют биюридизмом)⁵² под воздействием верховенства права должна исчезнуть, иначе нет смысла говорить о полноте внедрения принципа справедливости судебного разбирательства, раз везде наличествует лишь субъективная приближенность применения норм и обязательных правил поведения⁵³.

При этом важно понять и осознать, что основная проблема российского суда на самом деле находится за технико-юридическими пределами, поскольку созидание верховенства права идет за счет ментальных установок⁵⁴ и социального заказа средних классов общества, а не его имущественно противоположных слоев, зачастую враждебных друг другу. «Опросы общественного мнения свидетельствуют в пользу того, что население предпочитает приспособиться к условиям “неправового” государства, чем бороться за торжество правосудия. На другом полюсе общественной жизни сформировались мощные финансово-промышленные группы, которые предпочитают иметь “гарантированное” решение вопроса, — правильно подчеркивает В. Пастухов, — чем доверять судьбу своих капиталов “глупому случаю”, зависящему от перипетий судебного процесса. В справедливом суде мог быть заинтересован “средний класс” и национальная буржуазия, но формирование самосознания этих общественных слоев в современной России происходит крайне медленно»⁵⁵.

Однако не будем увлекаться отступлениями и поговорим об элементах права на справедливое судебное разбирательство. Анализ рассуждений М.Л. Энтина и еще ряда авторитетных авторов показывает, что под *органической частью* они подразумевают механизмы, отвечающие за эффективный доступ к правосудию по гражданским и уголовным делам и в одинаковой мере за исполнение судебных актов; *институциональный компонент* образует критерии, которым должна отвечать судебная власть демократического государства; *процессуальный* — обеспечивает участие лица или же его представителя на всех стадиях судопроизводства, материализацию принципов состязательности и равенства сторон, соблюдение разумных сроков разрешения спора; *специальные элементы* представляют собой дополнительные гарантии свершения правосудия с учетом особенностей уголовной процессуальной

деятельности, они необходимы для защиты прав субъектов, подозреваемых либо обвиняемых в совершении уголовно наказуемого преступления, и к цивилистическому производству не относятся⁵⁶.

В целом разделяя соображения М.Л. Энтина, тем не менее заметим, что не совсем понятно, почему так называемая органическая составляющая права на справедливое судебное разбирательство вбирает в себя две столь разные по своей юридической природе вещи — право на доступ к правосудию и исполнение судебных решений. Уяснить это можно было бы, опираясь на трактовку понятия «органические элементы», используемое автором в собственной статье. Однако подобающих пояснений нет, присутствует лишь ссылка на постановления Суда по делам гр. Голдер и гр. Хорн-сби о том, что всякое решение органов юстиции теряет значение, если лицу создаются препятствия по поводу возбуждения гражданского судопроизводства и касательно исполнения вынесенного судебного акта⁵⁷.

Общеизвестно, что в теории и практике права прилагательное «органические» употребляется для обозначения таких законов, которые принимаются в особом режиме по прямому предписанию конституции, на основе ее бланкетных норм, либо же в качестве синонима слов «естественные» и «неотъемлемые». Очевидно, что нормы международного права не появляются вследствие предписания национальных конституций. Но в последнее время в литературе все чаще утверждается, что институт права на судебное разбирательство есть неотъемлемое правомочие человека, которое не может быть в обычных условиях ограничено⁵⁸. Впрочем, другие правоведы воздерживаются от столь категоричных заявлений. К примеру, О.И. Рабцевич считает, что «неотъемлемость» означает невозможность отклонения от правила поведения международного характера, тогда как право на справедливое судебное разбирательство не суть *jus cogens*, поскольку допустимы различные национальные модификации⁵⁹.

Не вдаваясь в дискуссию относительно того, является ли право на справедливое судебное

⁵² См.: Пастухов В. Законность как «condicio sine qua non» российской демократии // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2007. № 2. С. 4.

⁵³ См.: Аткинсон Д., Биндиг Р. Доклад по выполнению обязанностей и обязательств государствами — членами Совета Европы (комитет по мониторингу). Выполнение обязанностей и обязательств РФ. М., 2005. С. 37–38.

⁵⁴ См.: Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 5–6.

⁵⁵ Пастухов В. Указ. соч. С. 7.

⁵⁶ См.: Энтин М. Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского союза // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 86–87; Василевич Г. Акты Конституционного Суда Республики Беларусь по обеспечению доступа к правосудию в контексте решений Европейского Суда по правам человека. URL: <http://www.ilpp.ru/7440081026> (дата обращения — 15 сентября 2014 г.).

⁵⁷ См.: Энтин М. Указ. соч. С. 86–87.

⁵⁸ См.: Даниленко Г.М. Международная защита прав человека. М., 2000. С. 37; Голубок С.А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. 2007. № 1. С. 112.

⁵⁹ См.: Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М., 2005. С. 87.

разбирательство нормой *jus cogens* общего международного права, поскольку это тема самостоятельного теоретического изучения, отметим, что для тех государств, которые ратифицировали международные договоры, содержащие положения о справедливом судебном разбирательстве, последние приобрели статус императивных. Следовательно, для России как участницы Европейской Конвенции, ст. 6 когентна, а вариативность ее применения может иметь место, но с учетом прецедентной практики Страсбургского Суда.

В свете сказанного тезис М.Л. Энтина становится более ясным, ведь если право на справедливое судебное разбирательство является естественным и неотъемлемым, то органические элементы в нем первостепенны, причем они понижают все данное право от начала (доступ к правосудию) и до конца (исполнение судебного решения). Правильность нашего предположения можно связать с другой работой ученого, где он пишет: «К первому поколению прав человека относятся те из них, за которыми изначально признавался характер неотъемлемых, присущих человеческой личности вне зависимости от отношения к ним государственной машины, позволяющих индивиду противостоять власти. В их числе — право на жизнь, свободу и безопасность личности, право на свободу от произвольного ареста, задержания или изгнания, право на свободу мысли, совести и религии, право избирать и быть избранным, право на равенство перед законом, право на справедливое судебное разбирательство и т.д. Исторически они сложились в борьбе за ограничение господства власти и ее подчинение господству закона. По своей сути они представляют собой набор традиционных либеральных ценностей... Вплоть до настоящего времени они воспринимаются прежде всего как запрещающие государству вмешательство в их отправление. Возможности и необходимости их судебной защиты придает абсолютный характер»⁶⁰.

Между тем, с более узкой процессуальной точки зрения, заставляющей отталкиваться от логики развития правоотношений и движения гражданского дела по судопроизводственным стадиям, было бы обоснованным не включать принудительную реализацию судебных правоприменительных документов в органические компоненты, так как надлежащий доступ к правосудию должен обеспечиваться до судебного производства, а процедура исполнения, исходя из упомянутого постановления от 19 марта 1997 г. «Хорнсби против Греции» (*Hornsby v. Greece*) есть «часть суда». Отсюда данную процедуру сле-

дует описывать в строю процессуальных составляющих права на судебное разбирательство.

Таким образом, на основании всего сказанного выше необходимо заключить, что при создании Кодекса гражданского судопроизводства РФ мало упомянуть в нем о том, что одной из задач самого судопроизводства является справедливое судебное разбирательство гражданских дел. В будущем законе нужно будет продуманно и последовательно проводить в жизнь все составляющие такого разбирательства, относящиеся к юрисдикционному судебному процессу, иначе в исследуемом аспекте названный Кодекс будет в большей степени декларативным.

Список литературы:

1. Алисиевич Е.С. Толкование норм Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод как правомочие Европейского Суда по правам человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 20 с.
2. Баранов И.В. Доступ к правосудию в гражданском судопроизводстве на основе прецедентов Европейского Суда по правам человека // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 3. С. 26–31.
3. Бернхардт Р. Европейский Суд по правам человека в Страсбурге: новый этап, новые проблемы // Государство и право. 1999. № 7. С. 57–62.
4. Боннер А.Т., Котов О.Ю. Принцип правовой определенности в практике Европейского Суда по правам человека // Закон. 2008. № 4. С. 199–211.
5. Бытко Ю.И. Справедливость и право. Саратов, 2005. 76 с.
6. Даниленко Г.М. Международная защита прав человека. М., 2000. 255 с.
7. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 8–13.
8. Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004. 265 с.
9. Лафитский В.И. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении // Журнал российского права. 2007. № 9. С. 53–58.
10. Леже Р. Великие правовые системы современности. 3-е изд. М., 2009. 584 с.
11. Лобов М. Защита социальных прав в рамках Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 1. С. 67–70.
12. Лукайес Лукис Г. Принцип верховенства права и права человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2006. № 4. С. 25–34.
13. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2006. 512 с.
14. Нешатаева Т.Н. Общеизвестные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 3. С. 124–140.
15. Пастухов В. Законность как «*condicio sine qua non*» российской демократии // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2007. № 2. С. 4–8.
16. Попов М. Российская правовая мысль и принцип верховенства права: проблемы адаптации и необходимость диалога // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 200–210.
17. Толмачева Н.Н. К вопросу о соблюдении принципа верховенства закона и других принципов законности в законодательстве субъектов РФ // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 35–47.
18. Туманов В. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2003. № 3. С. 78–79.

⁶⁰ Этин М.Л. Структура прав человека и основных свобод // Европейское право. Право Европейского союза и правовое обеспечение защиты прав человека. М., 2007. С. 286.

19. Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008. 208 с.
20. Ярославцев В.Г. Нравственное правосудие и судебское правотворчество. М., 2007. 304 с.
21. Belton R.K. Competing Definitions of the Rule of Law // Carnegie Papers. 2005. № 55. P. 1–38.
22. Grote R. Rule of Law, Rechtsstaat and «Etat de droit» // Constitutionalism, Universalism and Democracy: a Comparative Analysis. Baden, 1999. P. 269–306.
23. Hayek F. The Rule of Law // Studies in Law: Institute for Humane Studies, 1975. № 3. P. 8–10.

The Right to a Fair Trial in Civil Cases and Its Elements in the Light of the Ideas of the Rule of Law

Afanasiev S.F.

Doctor of Law, professor of the chair of civil process
of the Saratov State Academy of Law

E-mail: af.73@mail.ru

Abstract. *The article in the light of the draft Concept for the unification of procedural law-legislation, as well as future development and adoption of Code of civil procedure of the Russian Federation examines the question of the right to a fair trial in civil cases and its elements. It is emphasized that the right to a fair trial is not in its aims-ness declarative, its content is diverse and includes organic municipal, institutional, procedural and special part that should be taken into account by the domestic legislator in the course of further reforming and improving civil procedural law.*

Keywords: *The draft Concept for the unification of procedural law, the Code of civil procedure of the Russian Federation, rule of law, right to a fair trial and its elements, generally recognized principles and norms of international law, the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms, the European Court of human rights, access to justice and jurisprudence.*

References:

1. Alisievich E.S. Tolkovanie norm Konvencii Soveta Evropy o zashite prav cheloveka i osnovnykh svobod kak pravomochie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka: avtoref. dis. kand. jurid. nauk. M., 2006. 20 s.
2. Baranov I.V. Dostup k pravosudiyu v grazhdanskom sudoproizvodstve na osnove precedentov Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Arbitrazhnyi i grazhdanskii process. 2004. № 3. S. 26–31.
3. Bernhardt R. Evropeiskii Sud po pravam cheloveka v Strasburge: novyi etap, novye problemy // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 7. S. 57–62.
4. Bonner A.T., Kotov O.Yu. Princip pravovoi opredelennosti v praktike Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Zakon. 2008. № 4. S. 199–211.
5. Bytko Yu.I. Spravedlivost' i pravo. Saratov, 2005. 76 s.
6. Danilenko G.M. Mezhdunarodnaya zashita prav cheloveka. M., 2000. 255 s.
7. Zor'kin V.D. Cennostnyi podhod v konstitucionnom regulirovanii prav i svobod // Zhurnal rossiiskogo prava. 2008. № 12. S. 8–13.
8. Kanashevskii V.A. Mezhdunarodnye normy i grazhdanskoe zakonodatel'stvo Rossii. M., 2004. 265 s.
9. Lafitskii V.I. Princip verhovenstva prava v etiko-pravovom izmerenii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2007. № 9. S. 53–58.
10. Lezhe R. Velikie pravovye sistemy sovremennosti. 3-e izd. M., 2009. 584 s.
11. Lobov M. Zashita social'nykh prav v ramkakh Konvencii o zashite prav cheloveka i osnovnykh svobod // Konstitucionnoe Pravo: Vostochnoevropeskoe Obozrenie. 2003. № 1. S. 67–70.
12. Lukaides Lukis G. Princip verhovenstva prava i prava cheloveka // Prava cheloveka. Praktika Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. 2006. № 4. S. 25–34.
13. Marchenko M.N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo. M., 2006. 512 s.
14. Neshataeva T.N. Obshepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2004. № 3. S. 124–140.
15. Pastuhov V. Zakonnost' kak «condicio sine qua non» rossiiskoi demokratii // Sravnitel'noe Konstitucionnoe Obozrenie. 2007. № 2. S. 4–8.
16. Popova M. Rossiiskaya pravovaya mysl' i princip verhovenstva prava: problemy adaptatsii i neobhodimost' dialoga // Konstitucionnoe Pravo: Vostochnoevropeskoe Obozrenie. 2003. № 3. S. 200–210.
17. Tolmacheva N.N. K voprosu o soblyudenii principa verhovenstva zakona i drugih principov zakonnosti v zakonodatel'stve sub'ektov RF // Zhurnal rossiiskogo prava. 2008. № 2. S. 35–47.
18. Tumanov V. Avtonomnoe tolkovanie ponyatii v praktike Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka // Konstitucionnoe Pravo: Vostochnoevropeskoe Obozrenie. 2003. № 3. S. 78–79.
19. Tumanov D.A. Probely v grazhdanskom processual'nom prave. M., 2008. 208 s.
20. Yaroslavcev V.G. Nravstvennoe pravosudie i sudeiskoe pravotvorchestvo. M., 2007. 304 s.